

В Харбинѣ живет старый друг Ф. И. Шалапина

Что рассказал „Рупору“ свидетель первых опытов Федора Ивановича на сценѣ.

«... Подписывайтесь, — предложил антрепренер, протягивая мнѣ бумажку.

И рукой, «стрепетавшей от счастья», я подписал свой первый театальный контракт. Вообще еще хорист Найбург, маленький, круглый человек, независимо поздоровался с антрепренером.

— Здравствуйте, Семен Яковлевич.

Этот подписал контракт на 40 рублей.

— Через два дня, — сказал Семенов-Самарский, — я выдам вам билеты до Уфы и аванс.

Аванс? Я не знал что это такое, но мнѣ очень понравилось это слово. Я почувствовал за ним что то хорошее. Я вышел с Найбургом. Он служил хористом в оперѣ Серебрякова, куда я очень стремился попасть, когда мнѣ было лѣтъ 15, и куда меня не приняли потому, что как раз в этот год ломался мой голос.

Славным товарищем мнѣ оказался потом этот маленький Найбург...

Вряд ли кто из харбинцев, читая в «Рупорѣ» (№ 36, 9-го февраля) этот отрывок воспоминаний великаго русского артиста Федора Ивановича Шалапина, знает, что упоминаемый в нем «маленький Найбург» вот уже 19 лѣтъ живет в Харбинѣ и был не только другом великаго артиста, но и человеком, помогавшим Шалапину в заключеніи перваго контракта.

Межана Александрович Найбург, старый театальный работник, попал в Харбин в 1917 году вмѣстѣ с оперой Федорова, в качествѣ помощника режиссера, и остался в нашем городѣ. Работал он и в качествѣ суфлера и бутафора, оставаясь вѣрным сценѣ до сего времени.

Мы нашли М. А. Найбурга в скромной квартирѣ на одной из выхоловских улиц, гдѣ он живет с женой и дочерью — талантливой молодой балериной.

Явно пораженный нашим визитом, Н. А. Найбург охотно согласился подѣлиться с нами воспоминаніями о первых шагах театальной карьеры Ф. И. Шалапина, прошедших на его глазах.

Давно, давно тому назад...

— Много воды утекло с того времени, — начал свой рассказ М. А. Найбург. — Вѣдь это было в началѣ девяностых годов прошлаго столѣтія... Многие взгляды из памяти, многое не вспоминаешь в экспромтной бесѣдѣ.

Познакомился я с Федором Ивановичем в Казани. В тѣ годы он пѣл в хорѣ в Благовѣщенской церкви, а я учился пѣнію у Орлова-Соколовскаго в его музыкальной школѣ. Мнѣ было 20 лѣтъ, Федору Ивановичу 17—18.

Часто мы с ним встрѣчались. Любил он порассказать о своей любви к театру, о том, что мечтает устроиться на сцену. Но вот в один прекрасный день ваш Федя как в воду канул. Исчез — никаких слѣдов.

Прошло навѣрное около года. Жил я тогда на Рыбной-Судской улицѣ, в домах Марушева. Как то утром, часов в 6 стук. Проснулся, выхожу Смо-

трю — Федор Иванович.

— Ну, вот, прѣехал из Нижняго — говорит он. — Ты что сейчас дѣлаешь?

— Служу у Панаева суфлером, получаю 50 копеек в день, да вот веду переговоры с Семеновым — Самарским: может быть, устроюсь на работу в Уфу.

— Устрой и меня, — попросил Шалапин.

— Пойдем к нему.

Хорошій «басик».
Пошли туда. Жил он в «Волжско-Камских» номерах. Прѣшли, а я говорю Семенову-Самарскому.

— У меня есть пріятель. У него хорошій «басик». Возьмите его.

Попробовали его и заявили, что больше 15 рублей в мѣсяц дать не могут. Шалапин обрадовался. Обрадовался и я, когда подписал контракт на 25 руб.

Перед отъездом в Уфу выдали нам аванс по... 3 рубля. Купили провизію. Дали нам билеты, погрузились мы на кушеческій пароход и поехали. Вхвать нужно было три дня, а вхали... восемь. Три раза пришлось мѣнять пароходы. То на мель сядем, то дно повредит, то еще что нибудь. Раз двадцать на берег высаживали — грязь мѣсила. Но нам не страшно было — наши «гуалеты» от этого не пострадали. Все наше имущество было — это старые костюмы и рваные башмаки.

Дошло дѣло до того, что провизію всю съѣли. Есть нечего, а голод мучает. Парни молодые, здоровые. Подать бы — и его съѣли бы!

На наше счастье с нами вхал купец Золотарев, владѣлец магазина на Проломной улицѣ, против Щетинских номеров. Он пригласил нас закусать и спать. Поѣли, съѣли. Повравились мы ему, так на его харчах и добхали до Уфы. Здѣсь — снова аванс и трешекѣ. Ожили. Устроились на квартиру, начали работать, да ведолго. Проработали мѣсяца полтора и лопнули дѣло.

Федор Иванович устроился описком в Дворянское собраніе. Выбрали его там даже членом баски, но мы все время стремились снова устроиться на сцену.

Голодная жизнь в Уфѣ

На наше счастье в Уфѣ появился украинскій антрепренер, старик Деркач. Пошел первый я к нему — устроился на 25 рублей, потащил затѣм Шалапина — тому дали 20.

Там к нам хорошо отнеслись. Управляющій Деркача подарил Шалапину взаменную поддеву, а я гулял в черкескѣ — другого костюма не было.

Не мало пришлось нам перенести в Уфѣ! Не раз сидѣли мы без куска хлѣба, принося героическія мѣры, чтобы раздобыть еду.

Худой, тощій, дозуборванный Ф. И. не унывал: он всегда был веселым, поддерживая мой дух. Пользовался он усойхом и на сердечном фронгѣ, только раз за его нам в комнату всѣ окна камнями со черныи выбили...

С Деркачем мы поехали страваться вѣть. Гдѣ только вообывали, уѣхав к Великому посту докататься до Т. флиса. Помню, вхали мы войным

лѣтом в Уральск. Желѣзной дорога не было — вхали в кабатках и жарились. Вылѣзешь из кабатки — не легче. Свали ботинки — полетало.

Наш первый концерт.

Снова безконечная мытарства, в которых было не мало тяжелых, но и счастливых минут. Теперь все это вспоминаешь с удовольствіем, а тогда о самоубійствѣ подумывала.

В Тифлисѣ устроились в антрепренз у бывшаго офицера Ключарева, рѣшившаго создать оперную труппу для Тифлиса и Батума. Тоже не легко приходилось.

Никогда не забуду, как мы с Шалапиным рѣшили устроить свой первый самостоятельный концерт. Избрали мы для этой цѣли один из пригородов. Пригласили в компанію драматическаго артиста Полянова. Он нам нужен был из за жены — она была хорошей аккомпаниаторшей.

Пѣшном потащились на концерт. Шли верст 5. Рубля на три продали билетов. Но перед самым концертом хлынул ливень. Публика, конечно, не явилась. Три рубля нам остались. На них мы поѣли вволю.

В Тифлисѣ было не мало веселых и грустных исторій. И на романтической почвѣ и на дѣловой. Раз с Федором Ивановичем мы чуть не поругались, но потом оять стали жить марео.

Здѣсь и пришлось мнѣ с ним расстаться. Получил я телеграмму из Москвы от баритона Праниславкова, который предлагал мнѣ службу в столицѣ в Шеллаутинском театрѣ. Представляете мою радость. Завидовал мнѣ и Федор Иванович: — Счастливое ты — в столицу ѣдешь!

По разным дорогам.

Уѣхал я, а тѣм временем на его голос обратил внимание Усатов и рѣшил с ним завязаться. Запретил выступать без разрѣшенія, заставил исполнять режем.

В Москвѣ я попал на военную службу. Вернулся назад, поступил в Солодовниковскій театр. Тут то и состоялась моя встрѣча с Шалапиным.

Он уже прѣехал тогда солистом. Встрѣтились мы на сценѣ. Увидѣл меня, расцѣловал, стал рассерашивать о жатѣ — бытѣ.

В эти годы как раз на него обратил внимание извѣстный миллионер и филантроп С. И. Мамонтов. Прошло нѣкоторое время — и Шалапин дебютировал уже на большой сценѣ в партіи Мефистофеля в «Фаустѣ».

Прошел еще десяток лѣтъ, встрѣтились с ним в Казани, куда он был приглашен на гастроли. Был уже извѣстностью, но еще не знаменитостью. Получал за выход 300 рублей.

Снова встрѣтил как стараго

друга. В антрактѣ в его уборнѣ выпил мы коньяку, разговорились, начали вспоминать старое, да помѣшали. Начала входить публика, начались разговоры.

С тѣх пор мы не встрѣчались...

Теперь вы должны понять ту радость, которую я испытываю, узнав о прѣздѣ в Харбинѣ Федора Ивановича. Вѣдь я в лѣтъ его вежу не только большого цѣнда, а только мирового гевія, во вѣрнаго

товарища молодых лѣтъ.

Думал ли я, что когда нибудь тот «маленькій басик», котораго я рекомендовал Семенову-Самарскому и который был счастлив гонорару в 15 рублей, станет мировой знаменитостью и гордостью русскаго искусства.

— Вряд ли вѣрил в это тогда и сам Федор Иванович. Всѣ наши мысли и стремленія тогда были вокруг хорошаго обѣда и цѣлых подметок! — закончил свою бесѣду М. А. Найбург.

ЛЕОНИД ЖАРОВ.

Маленький Ф. И. 8.3.36.